

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ЛИНГВОКОМПАРАТИВИСТИКА / LITERARY RECEPTION AND LINGUISTIC COMPARATIVE STUDIES

А.С. Музыка

A.S. Muzyka

А.С. ПУШКИН И ПИСАТЕЛЬНИЦЫ-СОВРЕМЕННОЦЫ: ВЛИЯНИЕ И КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

A.S. PUSHKIN AND CONTEMPORARY WRITERS: INFLUENCE AND CRITICAL RECEPTION

В статье рассматриваются критические отзывы А.С. Пушкина о творчестве писательниц-современниц, таких как Н. Дурова, А. Ишимова, А. Бунина, К. Павлова, Е. Ростопчина. На основании анализа конкретных отзывов делаются выводы о различном восприятии поэтом произведений «женской литературы» и предпринимаются попытки определить причины этого различия. В качестве таковых выделяются, в частности: интерес к конкретной личности, а также к феномену женского писательства вообще; стремление оценить литературное произведение без оглядки на существующие в обществе стереотипы, а также принадлежность писательниц к тому или иному литературному объединению. Кроме того, рассмотрен и «обратный» процесс, а именно – восприятие поэтессами начала XIX в. творчества Пушкина. Представленный анализ помогает не только лучше понять статус женщины-литератора в пушкинскую эпоху, но и обнаружить еще одну немаловажную грань литературной деятельности Пушкина.

Ключевые слова: *русские писательницы XVIII–XIX века, Пушкин, женская литература.*

The article examines A.S. Pushkin's critical reviews of the work of contemporary writers such as N. Durova, A. Ishimova, A. Bunina, K. Pavlova, E. Rostopchina. Based on the analysis of specific reviews, conclusions are drawn about the poet's different perception of the works of "women's literature" and attempts are made to determine the reasons for this difference, such as: interest in a particular person, as well as in the phenomenon of women's writing in general; the desire to evaluate a literary work without regard to the stereotypes existing in society, as well as the affiliation of female writers to one or another literary association. In addition, the "reverse" process is also considered, namely, the perception of Pushkin's work by poetesses at the beginning of the XIX century. The presented analysis helps not only

to better understand the status of women-literature in the Pushkin era, but also to discover another important facet of A.S. Pushkin's literary activity.

Key words: *Russian women writers of the XVIII–XIX centuries, Pushkin, women's literature.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-64-1-91-96

Рубеж XVIII–XIX веков можно назвать в известной степени поворотным в плане отношения к женскому литературному творчеству. Под влиянием, в частности, Н.И. Новикова и Н.М. Карамзина женщина в 70–90-е годы XVIII века сначала развивается как читательница, а потом и все чаще сама берется за перо. Так, Новиков ставит перед собой просветительскую цель – «сделать женщину – мать и хозяйку – читательницей, подготовить для нее продуманную систему полезных книг в доступной для нее форме» [9, 54]. Новиков издает журнал «Детское чтение для сердца и разума», адресованный детской и женской аудитории, редактором которого некоторое время был Карамзин [9, 54]. Также Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях» – первый в России биографический справочник, в который включил и статьи о писательницах [17, 16], а Карамзин опубликовал сочинения поэтесс, а также переводы, выполненные женщинами [11, 40–41].

Впрочем, «допустимыми» для женщин были не все литературные жанры – наиболее приемлемыми считались поэзия и сочинения для детей [17, 11]. При этом в поэтессах ценилось заведомое умаление собственных талантов, отсутствие притязаний на гениальность или равенство с мужчиной, а также признание дилетантства, неопытности в вопросе сочинительства [16, 11]. Пишущая дама зачастую удостоивалась весьма поверхностной похвалы и одного из двух званий – русской Сафо или Коринны [16, 126].

Однако в пушкинскую эпоху ситуация меняется. Прежде всего, пишущих женщин становится больше. В.Г. Белинский по этому поводу отмечал: «С появлением Пушкина гораздо больше стало являться на Руси женщин-писательниц; но известных имен между ними стало меньше. Это оттого, что имена людей, действовавших в начале зарождающейся литературы, пользуются известностью даже и без отношения к их таланту. Когда же литература уже сколько-нибудь установится, тогда, чтоб получить в ней почетное имя, нужно иметь замечательный талант» [2, т. 8, 654].

Нельзя не отметить, что положительный образ женского литературного таланта не был сформирован и позднее, в середине XIX века. Так, И.С. Тургенев в статье, посвященной роману Евгении Тур, пишет: «Мы только утверждаем, что в женских талантах (и мы не исключаем самого высшего из них – Жорж Санда) есть что-то неправильное, нелитературное, бегущее прямо из сердца, необдуманное наконец, – словом, что-то такое, без которого они бы на многое не покусились и, между прочим, на четырехтомный роман» [18, т. 4, 479]. Елена Ган через реплику персонажа своего романа «Суд света» (1840) показывает резко негативное восприятие автора-женщины общественным сознанием: «Э... да вы забыли, – восклицает догадливый поэт, – что она не просто женщина, а женщина-писательница, то есть создание особенное, уродливая прихоть природы, или правильное: выроdek женского пола» [4, 3].

Но вместе с тем некоторые писательницы уже в первые десятилетия XIX века не были согласны на статус дилетанток, умели получать выгоду от продажи своих произведений, а то и вовсе претендовали на признание таланта наравне с мужчинами. Женские произведения постепенно попадают в поле зрения литературной критики. Вместе с появлением понятия «женская литература» исчезает снисходительное одобрение женского творчества, свойственное сентиментализму и предромантизму [11, 19].

Позиция А.С. Пушкина по отношению к женщинам-писательницам была сложной, неоднозначной и зависела от конкретных примеров и личных предпочтений. Время от времени он содействовал поэтессам в публикациях, однако относился к этому скорее как к светской обязанности быть любезным, не воспринимая всерьез сами стихи. Поэт не раз

высказывал сомнения даже в способностях женщин к восприятию поэзии. Так, в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» (1827) он отмечал: «Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки» [13, т. 1, 52].

Вместе с тем исключения все же были, и именно на них будет сосредоточено внимание в настоящей работе.

Одним из наиболее ярких примеров положительного отклика Пушкина на творчество писательницы-современницы является случай с Надеждой Дуровой (1883–1866). Сам пример Дуровой, как известно, является не вполне типичным. Надежда Андреевна сбежала из дома, носила мужской костюм, называла себя мужским именем, ушла в военную службу, за свои воинские заслуги получила от Александра I право именоваться Александром Андреевичем Александровым. В середине 30-х годов она решила издать записки о своей необыкновенной военной карьере. С издательской целью Надежда передала свою рукопись Пушкину, который с охотой принял работу для «Современника». Однако он не выполнил условие Дуровой – не стал скрывать ее истинное лицо [5, 123]. Этот факт наводит на мысль, что Пушкина привлек в первую очередь феномен Дуровой, имеющий потенциал коммерческого успеха, а не ее литературный талант. На это указывает и предисловие Пушкина к изданию «Записок...»: «Какие причины заставили молодую девушку хорошей дворянской фамилии оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских. Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н.А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» [5, 118–119].

Как можно видеть, из всего отрывка лишь фраза «владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» имеет отношение к писательскому мастерству, все прочее же скорее описывает парадокс присутствия женщины в сугубо мужской сфере.

В качестве второго примера можно назвать Александру Ишимову (1806–1881), детскую писательницу, автора «Истории России в рассказах для детей». Помимо детской литературы Ишимова занималась переводами, а также издавала детский журнал, то есть занималась так называемым «маргинальным» литературным трудом, который общественностью не порицался. Белинский писал: «... "История" г-жи Ишимовой – важное приобретение для русской литературы: так богато сочинение ее другими достоинствами, между которыми первое место занимает превосходный рассказ и прекрасный язык, обличающие руку твердую, опытность литературную, основательное изучение предмета, неутомимое трудолюбие» [3, т. 4, 473].

По мнению Л.П. Гроссмана, именно к Ишимовой было написано последнее письмо Пушкина. Из письма видно, что он ценил ее литературную работу: «Покамест, честь имею препроводить к Вам *Barry Cornwall* – Вы найдете в конце книги пьесы отмеченные карандашом, переведите их как умеете – уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как

надобно писать!» [5, 130–132]. Как можно видеть, эта оценка хоть и комплиментарна, но все же касается приличной для женщины сферы детской литературы или работы переводчика.

Каролина Павлова и Евдокия Ростопчина в свое время также испытали значительное (хоть и разное) влияние Пушкина. Женщины являлись как бы творческими «дуэлянтками». С обеими поэтессами дружил Лермонтов – был посетителем литературного салона Павловой, писал о родстве душ с Ростопчиной («Я верю: под одной звездой / Мы с Вами были рождены; / Мы шли дорогою одною, / Нас обманули те же сны» [7, т. 2, 72]).

Если для Павловой Пушкин был скорее путеводной звездой, лучом «солнца русской поэзии», источником вдохновения и образцом для подражания («Нас Байрона живила слава, / И Пушкина изустный стих...» [12, 134]), то Евдокия Ростопчина и вовсе считала себя благословленной поэтом и продолжателем его традиции. После смерти Пушкина В.А. Жуковский передает Евдокии Петровне книгу, приготовленную поэтом для новых стихов, с тем, чтобы Ростопчина ее окончила. Этот жест воспринимается поэтессой как посвящение, восприятие Пушкиным ее как своей преемницы. Ростопчина пишет стихотворение, озаглавленное «Черновая книга Пушкина» и посвященное Жуковскому:

И мне, и мне сей дар! Мне, слабой, недостойной,
Мой сердца духовник пришел ее вручить,
Мне песнью робкою, неопытной, нестройной
Стих чудный Пушкина велел он заменить!..
Но не исполнить мне такого назначения,
Но не достигнуть мне желанной вышины!
Не все источники живого песнопенья,
Не все предметы мне доступны и даны:
Я женщина!.. Во мне и мысль и вдохновенье
Смиреной скромностью быть скованы должны! [15, 92–93].

Несмотря на то, что в произведении она говорит о себе как о слабой и недостойной, сам по себе факт опубликования подобного стихотворения подчеркивает убежденность Ростопчиной в том, что Пушкин «передает ей лиру». Но хотя в реальной жизни графиня Ростопчина нередко встречалась с Пушкиным (в частности, за день до дуэли с Дантесом поэт был в доме Ростопчиных), прямых указаний на то, что Пушкин считал ее своей преемницей, не существует.

Одним из наиболее заметных примеров открытого негативного отношения Пушкина к писательницам-современницам является восприятие им творчества Анны Петровны Буниной – родственницы Жуковского, представительницы классицизма. Бунина была одной из тех поэтесс, кто не удовлетворился званием «дилетантки», «неопытной писательницы», несмотря на название первого, 1809 года, сборника «Неопытная муза», – она выступала на литературном поприще и в критике наравне с мужчинами. На роль Пушкина в последующем отношении к Буниной уже обращали внимание исследователи. Так, М. Нестеренко отмечает: «В позднейшем восприятии поэтессы Анны Буниной, изначально благожелательно встреченной критиками, несомненно, сыграли свою роль иронические упоминания ее Пушкиным» [11, 19]. В свою очередь на оценку творчества Буниной Пушкиным, несомненно, повлиял факт их принадлежности к противоположным литературным объединениям (Пушкин входил в «Арзамас», а Анна Бунина была участницей «Беседы любителей русского слова»). Кроме того, Бунина была на 25 лет старше Пушкина и возможно, по его представлениям, являла собой уже ушедшую эпоху и устаревшие традиции.

В «Послании цензору» Пушкина Бунина упомянута в таком контексте:

Не редко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель.
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи. [13, т. 1, 195].

Также фигурирует поэтесса в «Тени Фонвизина»:

Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц. [13, т. 1, 336].

Конечно, нельзя утверждать, что саркастические замечания или уничижительное упоминание в стихотворении могут способствовать забвению имени писателя, однако невозможно и отрицать, что мнение признанного литературного гения не пройдет в профессиональных кругах незамеченным.

Вместе с тем, положительно отзывались о Бунинной не только ее собратья по «Беседе...» («...г-жа Бунинна – женщина-поэт, явление редкое в нашем отечестве, и, сверх того, поэт с дарованием, поэт неподражатель <...> Несмотря на некоторые неровности, какая сильная, живая поэзия!» [6, 444–445]), но и приверженцы другого литературного «лагеря». Так, Карамзин отмечал: «Ни одна женщина не писала у нас так сильно» [цит. по: 10, 263]. Не обошел Бунинну вниманием и К.Н. Батюшков: «Стихи текут сами собой, картина в целом выдержана и краски живы и нежны» [1, т. 3, 135]. Хотя в целом «арзамасцы» Бунинну не жаловали, как, впрочем, и других «беседчиков».

Подводя итоги, можно отметить, что независимо от того, как Пушкин проявлял свое отношение к писательницам-современницам, сам факт его внимания к женскому литературному творчеству очевиден. С одной стороны, Пушкин нередко скептически воспринимал присутствие женщин в литературе, следуя, по всей видимости, взглядам своего времени и считая, что литература – это мужское дело. Но с другой стороны, он был открыт к восприятию таланта и даже оказывал поддержку наиболее выдающимся, на его взгляд, писательницам.

1. Батюшков К.Н. Сочинения К.Н. Батюшкова. Т. 3. Спб., 1886. № 93.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 8.
3. Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841–март 1842 гг. М., 1979.
4. Ган Е. Суд света: Повесть. 1840. URL: <https://rucont.ru/efd/4724> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Гроссман Л.П. Письма женщин к Пушкину. Подольск, 1994. Репринтное издание.
6. Кюхельбекер В. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
7. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Л., 1989. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841.
8. Летина Н.Н. Гендерно детерминированный пушкинский дискурс женского творчества в России XIX в. // Ярославский педагогический вестник, 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genderno-determinirovannyy-pushkinskiy-diskurs-zhenskogo-tvorchestva-v-rossii-xix-v/viewer> (дата обращения: 29.10.2024).
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
10. Михневич В. Русская женщина XVIII столетия: исторические этюды. М., 1990. Репринт. изд. 1895.
11. Нестеренко М. Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022. (Серия «Гендерные исследования»).
12. Павлова К. Полн. собр. стихотворений. М.–Л., 1964.

13. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 1.
14. Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания / А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. URL: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_otryvki.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
15. Ростопчина Е. Стихотворения; Проза; Письма. [Сост., вступ. ст., подгот. текста, примеч. Б. Романова]. М., 1986.
16. Савкина И. Пути, перепутья и тупики женской литературы. М., 2023. (Серия «Гендерные исследования»).
17. Строганова Е. Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М., 2019.
18. Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1976–1979. Т. 4.
19. Файнштейн М. Писательницы пушкинской поры: Историко-лит. очерки. Л., 1989.